

МАРТИ
ФРИДМАН

МАРТИ ФРИДМАН

в соавторстве с **ДЖОНОМ УИДЕРХОРНОМ**

*автобиография
культового гитариста*

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 785.071:929(73)
ББК 85.318(3)-8
Ф88

Dreaming Japanese

Marty Friedman

Dreaming Japanese Copyright © 2024 by Marty Friedman All rights reserved.

Фото на обложке: © Terry Wyatt / GettyImages.ru

Фридман, Марти.

Ф88 Автобиография культового гитариста. От Megadeth до сольного творчества / Марти Фридман ; [перевод с английского С. А. Ткачука]. — Москва : Эксмо, 2026. — 368 с. — (Боги метал-сцены).

ISBN 978-5-04-223289-3

Захватывающая автобиография культового гитариста, который вывел гигантов трэш-метала Megadeth из состояния краха на вершину славы, прежде чем отправиться в Японию, чтобы впитать в себя ее культуру и музыку. Узнайте из мемуаров, как Марти переизобрел тяжелогитарный рок. Как обстоятельства вынудили Megadeth скрываться во время тура «Countdown to Extinction». И как исполнитель проник в японскую индустрию развлечений и добился успеха в сольной карьере.

УДК 785.071:929(73)
ББК 85.318(3)-8

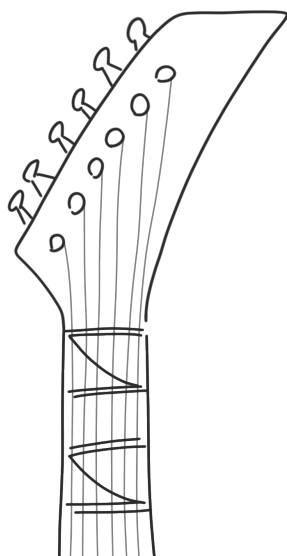
ISBN 978-5-04-223289-3

© Ткачук С. А., перевод на русский язык, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Содержание

ПРОЛОГ	7	ГЛАВА 16	101
ГЛАВА 1	13	ГЛАВА 17	106
ГЛАВА 2	23	ГЛАВА 18	111
ГЛАВА 3	29	ГЛАВА 19	114
ГЛАВА 4	35	ГЛАВА 20	120
ГЛАВА 5	43	ГЛАВА 21	126
ГЛАВА 6	48	ГЛАВА 22	129
ГЛАВА 7	52	ГЛАВА 23	138
ГЛАВА 8	56	ГЛАВА 24	143
ГЛАВА 9	60	ГЛАВА 25	152
ГЛАВА 10	70	ГЛАВА 26	163
ГЛАВА 11	76	ГЛАВА 27	167
ГЛАВА 12	81	ГЛАВА 28	172
ГЛАВА 13	89	ГЛАВА 29	181
ГЛАВА 14	92	ГЛАВА 30	187
ГЛАВА 15	97	ГЛАВА 31	193

ГЛАВА 32	196	ГЛАВА 44	298
ГЛАВА 33	203	ГЛАВА 45	306
ГЛАВА 34	208	ГЛАВА 46	312
ГЛАВА 35	216	ГЛАВА 47	321
ГЛАВА 36	226	ГЛАВА 48	331
ГЛАВА 37	237	ГЛАВА 49	339
ГЛАВА 38	246	ГЛАВА 50	346
ГЛАВА 39	255	ГЛАВА 51	351
ГЛАВА 40	265	ГЛАВА 52	356
ГЛАВА 41	278	ЭПИЛОГ	362
ГЛАВА 42	282	БЛАГОДАРНОСТИ	363
ГЛАВА 43	291	ОБ АВТОРАХ	364

Пролог

«КАКОГО ЧЕРТА Я ЗДЕСЬ ДЕЛАЮ?!»

Эти слова эхом проносились в голове, когда я неуклюже расхаживал по забитой людьми идзакае¹ в каком-то японском городе. Я был единственным «неяпонцем» в заведении, и в последующие годы очень хорошо к этому привык.

Я аккомпанировал на гитаре японской певице-суперзвезде по имени Нанасэ Айкава. В Америке именитые группы время от времени закатывают вечеринки после концертов, но в Японии у значимых артистов принято почти после каждого выступления устраивать мощное празднество в местной идзакае (где пьют саке). В этих местах музыканты группы, гастрольный персонал, местные воротилы и промоутеры сидят за столами, которые ломятся от обилия местных деликатесов и напитков. Похоже, бокалы волшебным образом наполняются заново, как только становятся пустыми.

Эти живые веселые празднества стали уже легендарными, и все приходят отрываться. Для большинства присутствующих это замечательное место, чтобы узнать о последних новостях в мире японской музыки, посплетничать и снять напряжение. Практически все музыканты и техники с нетерпением ждали похода в идзакаю — но только не я. И пусть в буквальном смысле сбывались мои самые смелые и дикие мечты — оказаться в Японии и исполнять японскую музыку на высшем уровне, — я по-прежнему чувствовал себя неуклюжим американцем.

¹ И д з а к а я — тип японского неформального питейного заведения, в котором посетители выпивают после рабочего дня. Функционально идзакаи схожи с ирландскими пабами, испанскими тапас-барами, ранними американскими салунами и тавернами.

Обычно я ощущал себя не в своей тарелке вдали от привычной среды обитания, из-за чего становилось одиноко, а на душе скребли кошки.

Разумеется, я был не одинок. И музыканты, окружавшие меня, не были чужаками. Группа Нанасэ Айкавы считалась невероятно популярной, а я принимал активное участие в выступлениях. Нанасэ, ее группе, техникам, промоутерам и фанатам нравились мое исполнение и сценический образ. Стоило мне начать исполнять соло, и многотысячная толпа принималась энергично и экспрессивно играть на воображаемых гитарах. Но всегда существовала большая разница между моим сценическим образом и тем, каким я был вне сцены, где не мог спрятаться за гитарой и быть смелым. Особенно резко это несоответствие проявлялось, когда я еще не привык к традициям и культуре Японии. В идзакаях существовала огромная пропасть в понимании между мной и всеми остальными. Они выпивали и смеялись, собирались в сплоченный круг близких друзей, что-то оживленно обсуждали и шумели, жестикулировали и литрами поглощали алкоголь. А я хоть и владел японским почти свободно, и говорили они достаточно громко, чтобы я без проблем их слышал, однако не понимал практически ни слова.

Но существовал скорее культурный барьер, нежели языковой. Они говорили о тех, кого я не знал; местах, о которых я никогда не слышал; ситуациях, совершенно мне не известных. Легко можно было бы улыбнуться, кивнуть и посмеяться со всеми, но если бы я так сделал, это показалось бы лицемерием с моей стороны. Поэтому я часто ждал подходящего момента, чтобы тихо и незаметно вернуться в отель. Я никогда не ходил на тусовки после самой вечеринки, также популярные в Японии. К тому времени, как многие уже изрядно нажирались, едва ворочали языком и смеялись над несмешными шутками, я, отдыхая в номере, как правило, десятый сон видел.

Но не сказать, что я не пытался вписаться в толпу, стать своим и принимать участие в веселье. На многих тусовках, проходящих уже после самой вечеринки, на которых я побывал, я шатался от одной компании к другой, надеясь услышать хоть малейшую фразу, которую бы узнал, или тему, которая была бы мне близка, а затем легко влиться в разговор — лю-

бой разговор. Такое происходило крайне редко. Никто, конечно же, меня не отвергал — просто я ощущал себя невидимкой. И, несмотря на мой огромный вклад в музыку группы, когда мы оказывались в компании, я был совершенно бесполезен.

Впервые за многие годы я чувствовал себя не в своей тарелке, в основном из-за того, что в социальном плане ощущал себя отщепенцем. Со стороны такая ситуация, возможно, покажется немыслимой, поскольку все знали и уважали мой успех, которого я добился, отыграв десять лет в Megadeth и выпустив несколько сольных альбомов. Однако, несмотря на комнату, завешанную платиновыми альбомами со всех континентов, для местной, домашней музыкальной японской сцены я был абсолютным новичком и имел минимальный опыт в японской музыке — можно сказать, его и вовсе не было.

Это была первая японская поп-группа, в которой я играл, а все, кто меня окружал, многие годы были погружены в высший эшелон японской попсы. Я знал крайне мало о музыкантах и представителях индустрии, о которых говорили эти люди, и не знал историй, которые они вспоминали и над которыми смеялись.

Это определено было не то, чего я ожидал, когда подписывал контракт. Megadeth были довольно популярны в Японии, и я сыграл на соло-гитаре в большинстве их самых популярных альбомов, а также участвовал в самых прибыльных и масштабных мировых турне. Помимо этого я был так называемым «гитарным кумиром» и давал сотни музыкальных семинаров по всему миру для людей абсолютно разных культур. Я был маститым международным артистом, и именно так ко мне относились в большинстве стран мира. Но, похоже, в японской идзакае это совершенно никого не волновало.

Сегодня я понимаю, что ожидать определенного отношения ввиду прошлых заслуг — глупо и неправильно, но в то время мне казалось, что я новобранец в еще не подписавшей контракт играющей в стиле мариачи¹

¹ Мариачи — жанр мексиканской народной музыки, являлся неотъемлемой частью традиционной современной мексиканской культуры. Известен во многих регионах Латинской Америки, Испании, а также в регионах юго-запада США. Ансамбль мариачи включает в себя от 3 до 12 исполнителей, хотя ограничения на количество музыкантов не существует. Наиболее используемыми музыкальными инструментами являются гитара, гитаррон, виола, скрипка, труба, реже — арфа и флейта.

группе из Тихуаны¹. Проблема состояла в том, что я как музыкант не достиг зрелого возраста с теми, с кем выступал на одной сцене. Я не знал их по клубной сцене и даже не разделял многие их музыкальные влияния.

Большинство из них были намного младше меня. Все они — перво-классные музыканты со своей фанатской базой. Нанасэ гастролировала с японской супергруппой, и ее музыканты были ко мне добры, пытаясь взаимодействовать со мной так же, как и я с ними. Но долгое время после того, как они спрашивали, каково быть «рок-звездой» в Америке, нам больше не о чем было говорить.

Короткий период времени мне казалось, есть неплохой шанс, что меня примут в тусовку, если вести себя как заводила и душа компании, что совсем на меня не похоже. Я заставлял себя быть открытым и общительным — иногда мне это удавалось, и я говорил то, что другие понимали. Когда такое происходило, меня встречали смехом, все тут же начинали на меня пялиться, и вдруг я превращался в активного участника игры, пусть даже самую малость. Никто из тех, с кем я говорил, не имел ни малейшего понятия о том, как много для меня все это значило, и в те моменты я ощущал себя на высоте, словно воздушный шарик, отпущенный в небо. Но я неизбежно говорил то, что было им непонятно, а изъясниться толком не мог. И снова сидел да потягивал свой улун (китайский чай), чувствуя себя крайне некомфортно среди компашек, увлеченных оживленными беседами.

Я ощущал себя отверженным парнишкой в школьной столовой, тщетно ждавшим, пока одноклассники разрешат к ним подсесть.

Я не видел никакой связи с тем, что был американцем и выступил в каждом штате огромной страны, а также побывал в самых дальних уголках мира. Мне даже *говорить* не хотелось о прошлом успехе. Хотелось

¹ Тихуана — город на северо-западе Мексики, крупнейший в штате Нижняя Калифорния и самый западный во всей Латинской Америке.

находиться в мире японской музыки, здесь и сейчас. В отличие от меня, остальные музыканты группы Нанасэ и техники могли лишь мечтать о том, чтобы покинуть свой островок и выступить перед международной публикой. Как ни странно, большинство японских музыкантов даже не пытаются осознать эту несбыточную мечту.

Может быть, окружавшие меня музыканты уважали мои прошлые заслуги настолько, что в некоторой степени побаивались этого, и по этой причине всегда испытывали дискомфорт в моем присутствии. Иногда казалось, что они думают: *«Какого черта он забыл в нашей группе? Парень явно не в своем уме!»*

А может быть, я просто не был вхож в их круг. Япония — моноэтническое общество, а Америка, как известно, плавильный котел. Единственный способ по-настоящему узнать все достоинства и недостатки обеих стран — пожить в каждой из них довольно долгое время. Но об этом чуть позже.

Разумеется, я замечал некую иронию: чувствовал себя изгоем, но при этом жил настоящей мечтой — выступал в японской поп-группе на высочайшем уровне. Я испытывал депрессию и внутреннее опустошение, но пытался не утратить концентрацию в столь необычной для меня ситуации.

Я повторял свою мантру: *«Иди к цели и не сворачивай!»*

Чтобы достичь серьезных целей, придется пережить непростые времена и пройти серьезные испытания. Я знал, что, ощущая себя не в своей тарелке, а иногда и вовсе ненужным в чужом обществе, должен буду преодолеть множество трудностей. Это напоминало изучение языка или попытку освоить музыкальный инструмент. Я принял эти вызовы с гордо поднятой головой и вышел победителем. Если удавалось справиться с этим состоянием, при котором мучительное чувство одиночества и неумение адаптироваться в обществе были нормой, в конечном итоге я оказывался в уникальном положении, которое во многом шло мне на пользу.

Все происходившее со мной не имело аналогов, и совета просить было не у кого. Японцы невероятно дружелюбны и всегда готовы помочь иностранцам. Однако иностранцы, пытающиеся поселиться в Японии, сталкиваются с совершенно другим отношением. И я подумал, что если удастся полностью приспособиться и принять японскую культуру, а дру-

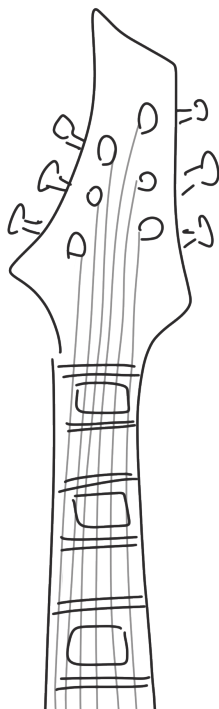
гим станет со мной легко и комфортно, то моя необычность перестанет приносить мне ощущение неловкости. Я стану исключением.

Как только я впадал в уныние и вешал нос, сразу же напоминал себе, что для этих людей я таинственный чужеземец. Неудивительно, что мы друг друга не понимали.

И пусть я классно играл на гитаре и неплохо говорил по-японски, этого было мало для того, чтобы они сразу же ко мне прониклись.

Как музыканта меня уже и так уважали. А вот дружбу с каждым из них нужно было заслужить.

Я знал, что делать. «Ты должен много и упорно работать, — твердил внутренний голос. — Сосредоточься. Впереди у тебя долгий путь, полный рискованных приключений».

Глава 1

В ДЕТСТВЕ Я СЧИТАЛ: ЧЕМ ТЫ В ШКОЛЕ ПОПУЛЯРНЕЕ, тем меньше знаешь и паришься. Да и зачем париться? Если ты спортсмен-атлет, танцовщица из группы поддержки или тебя переполняет самоуверенность, ты красавчик, весь мир у ног — свидания, вечеринки, танцы на школьном балу, спортивные соревнования, похвала со всех сторон. Для популярных детишек музыка является радостным одноразовым звуковым сопровождением их отлаженной насыщенной жизни. У детей, растущих в такой обстановке, нет ни времени, ни желания познать или поинтересоваться, что за песня звучит по радио или что за музыканты, не говоря уже о деталях, связанных с инструментами, использованными для исполнения песен или оборудования для записи. Популярным детям есть куда пойти, где веселиться, отрываться и с кем уединяться.

На своем примере музыканта я понял, что отчасти нужно быть немодным, непопулярным, может быть, даже немного проблемным и непутевым, а прежде всего, должна быть куча свободного времени, чтобы узнать, что соло-гитариста группы KISS зовут Эйс Фрейли и обычно он играет на гитаре Gibson Les Paul Deluxe. Готов поспорить, что в моей школе никто из нашей футбольной¹ команды или любой другой команды таких подробностей не знал.

Когда я рос, музыка, в особенности хард-рок, являлась возможностью сбежать от реальности среди ребят, которых игнорировали и считали жертвой среди популярных сверстников, — злобный способ выплеснуть агрессию для тех из нас, кто не ходил на свидания, не имел атлетического телосложения или не был привлекательным, плохо одевался и не ходил на вечеринки с красотками-спортсменками.

¹ Разумеется, речь идет об американском футболе.

Тяжелая музыка была и до сих пор остается убежищем для изгоев. Благодаря ей слабые чувствуют себя сильными, а бессильные наделяются силой.

Хеви-метал предоставляет энергичную окружающую среду, о которой можно мечтать и куда хочется сбежать, и возможность открыть для себя что-то новое с такими же единомышленниками-неудачниками. Большинство популярных артистов когда-то были забитыми отщепенцами и задротами своего поколения.

Но я не хочу ограничивать понятие громкой музыки лишь радостным убежищем для ботаников и чудаков. Она может служить якорем спасения, гаванью от депрессии и насилия. Презрительный средний палец хеви-метала является терапией для многих подростков из неблагополучных семей. Если родители или ровесники словесно (или, упаси боже, физически) тебя оскорбляют — унижают и заставляют чувствовать себя крошечным, — рок-н-ролл способен превратить тебя в гиганта. Многие музыканты высшей лиги, даже крутые рок-звезды, начинали с колодой дерьмовых карт. Но со мной ничего подобного не было. В детстве и юности меня никогда не обижали, не игнорировали, да и чувство голода мне не знакомо. Мне никогда не приходилось размахивать кулаками, чтобы себя оправдать, и меня никогда не выгоняли из дома за раздолбайство. По сравнению с многими музыкантами, которых я знаю, у меня с самого начала имелись привилегии и защита.

Я, Мартин Адам Фридман, родился в Вашингтоне, округ Колумбия, 8 декабря 1962 года. Мои родители — Джерри и Мэрилин Фридманы. Отец воспитывался в консервативной еврейской семье в Джерси-Сити, штат Нью-Джерси. Мать папы, Бесси Клейман, и его отец, Моррис Фридман, познакомились в Нью-Йорке, прибыв иммигрантами в США из Литвы и Австрии соответственно.

Все они говорили на ломаном английском с сильным еврейским акцентом, а писали на иврите. Помнишь голоса, которые делают комики, изображая старых евреев? Именно так и говорили мои бабушка с дедушкой. Вся семья соблюдала традиции и ела только кошерную еду, а каждую

неделю обязательно ходили в храм, соблюдая пост на Йом-Кипур¹. В шабат не работали, не водили машину и не пользовались электричеством, даже лишних телодвижений не делали. Ох уж эти ортодоксальные штучки!

Ты, наверное, подумаешь, что они были консервативными или скучными, поскольку были чересчур религиозными, но нет. Я понимаю, можно совершенно справедливо поспорить: чем больше в еврее зашкаливает ортодоксальность, тем больше он (или она) кажется дикарем. Я всегда ощущал близкую связь с бабушкой и дедушкой, потому что они были уморительными, любили меня и всегда развлекали. Они всецело были преданы иудаизму, вели себя громко, экспрессивно, были полны энергии, энтузиазма, эмоций и драмы. Было здорово проводить с ними время, потому что я никогда не знал, какое развлечение они придумают в следующий раз. Или, если точнее, что заведет бабушку. Она постоянно болтала, а дед был немногословен, но когда что-то говорил, всегда по делу и со смыслом. Это всегда был продуманный комментарий или серьезное заявление, после которого прекращалась любая перепалка. «Индейку порежем *после того*, как Джерри вернется. Хватит ссориться!» У меня складывалось ощущение, что, возможно, дедушка ел кошерную еду, лишь бы не ругаться с бабушкой.

Став взрослым, я забирал деда поесть свинину с жареным рисом
в небольшом китайском ресторане на бульваре Сансет в Лос-Анджелесе.
Какой еврей не любит китайской еды?!

Зато мамины предки были милыми, но строгими и прямолинейными, в отличие от моей мамы, неординарной и творческой женщины, преисполненной рвением, энергией и любовью к жизни. Странно, что никто в ее семье не обладал хоть каплей ее энергии или креативности. Ее родители имели русское происхождение, но никаких черт «исторической родины», поскольку несколько поколений ее родственников прожили уже в Аме-

¹ Йом-Кипур в иудаизме — самый важный из отмечаемых дней, день поста, покаяния и отпущения грехов.